

МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО АВТОРА КАК КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Наталья Павловна Иванова

профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Факультет славянской филологии и журналистики
Таврическая академия
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
E-mail: n-p-ivanova@yandex.ru

В настоящее время анализ художественного пространства приобрел особую актуальность в связи с тем, что в современной филологии особое внимание уделяется таким категориям, как ментальность и когнитивность. Когнитивистика – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой активности.

В результате когнитивной деятельности создается система смыслов, относящихся к тому, что индивид знает и думает о мире. Исследование оперирования символами при осмыслении человеком и мира, и себя в мире объединило лингвистику с другими дисциплинами, изучающими человека и общество, привело к созданию когнитивной лингвистики – науки, инструментарий которой может быть использован и литературоведами.

В литературоведческих исследованиях, проведенных с учетом достижений когнитивной лингвистики, на смену традиционному термину «литературный пейзаж» приходят такие понятия, как «ментальное пространство автора» и «картина мира», являющиеся реальностью человеческого сознания. Об этом писал даже А. Эйнштейн: «Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимается художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель. Каждый по-

своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни...» (цит. по Тресиддер Д. Словарь символов. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 1999) [6, с. 14].

Понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – «результат переработки информации о среде и человеке... Картина мира... включает не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к объектам, причем позиция субъекта является такой же реальностью, как и сами объекты.

Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А. Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт» [5, с. 61-65]. Именно этот подход в полной мере учитывается актуальным в настоящее время системным анализом литературного произведения, так как, по справедливому утверждению Ю. М. Лотмана, исследователь литературы, который надеется постичь идею, оторванную от авторской системы моделирования мира, от структуры произведения, напоминает ученого-идеалиста, пытающегося отделить жизнь от той конкретной биологической структуры, функцией которой она является. «Следовательно, вне структуры художественная идея немислима. Дуализм формы и содержания должен быть заменен понятием идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры. Художественный текст – сложно построенный смысл. Все его элементы суть явления смысловые» [4, с. 19].

В связи с этим представляется, что «ментальное пространство автора» и есть то искомое «однозначное определение», сущность которого отчетливо обозначилась еще в исследованиях конца прошлого века (Ю. М. Лотман, Ю. В. Манн, В. М. Маркович, В. Н. Топоров, М. Хайдеггер): «Уже на уровне сверттекстового, чисто идеологического моделирования язык пространственных отношений оказывается одним из основных средств осмысления действительности... Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделенными пространственными характеристиками» [4, с. 267]. Следовательно, понятие «ментальное пространство автора» может быть определено как мировоззрение автора, выраженное посредством пространственных характеристик, реализованных в картинах окружающего мира.

Такой подход особенно важен при изучении русской литературы. Об этом писал Н. А. Бердяев: «Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти

пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [1, с. 64-65]. Действительно, ментальное пространство автора во многом базируется на национальной картине мира, изучению которой посвящена вышедшая в конце XX века работа Г. Д. Гачева «Национальные образы мира, Космо-Психо-Логос», где, кстати, сказано о том, что для русского человека категория пространства значима намного больше, чем, к примеру, для немца, сосредоточенного на времени. Исследователь считает, что национальная ментальность сейчас стала проблемой №1, и дает следующее определение национальному образу мира: «Особое сочетание элементов, общих всем народам» [2, с. 3-4]. На наш взгляд, это скорее определение универсальной составляющей национального образа мира, а ментальное пространство автора представляет собой контаминацию универсального, национального и индивидуального, причем четкие границы между этими тремя составляющими провести едва ли возможно.

В итоге, ментальное пространство автора является своего рода культурным, философским, художественным кодом, в процессе расшифровки которого мы можем приблизиться к миропониманию не просто того или иного писателя (что, конечно, само по себе немаловажно), а к вершинным носителям информации об определенной эпохе, культуре, художественной системе.

Пропущенные сквозь призму авторского мировосприятия и миропонимания, а также осмысленные с позиций когнитивистики пейзажные образы в одних исследованиях имеют названия фреймов ментальных пространств (Ж. Фоконье, М. Тернер), в других – ментальных репрезентаций (М. А. Холодная), в третьих - элементов картины мира (Ю. М. Караулов), в четвертых – концептов (Ю. Н. Кольцова, В. А. Маслова), в пятых – мифологем (А. Ф. Лосев). На наш взгляд, это явления одного порядка, описанные в философии и лингвистике, результаты не столько портретирования, сколько, как было сказано выше, «автопортретирования» природы, национального, культурного и индивидуально-авторского мифотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1918. – С. 64-65.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира, Космо-Психо-Логос. – М., 1995. – 480 с.
3. Иванова Н. П. Мир как автопортрет (Литературный пейзаж и ментальное пространство автора в русской прозе XIX века). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2010. – 386 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970. – 384с.
5. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 296 с.
6. Тресиддер Д. Словарь символов. – М.: ФАИР – ПРЕСС, 1999. – 430 с.

ИНТЕРНЕТ - ИСТОЧНИКИ

1. Иванова Н. П. Мир как автопортрет: литературный пейзаж и ментальное пространство автора [Электронный ресурс] // URL http://crosslingua.crimea.edu/publications/2.2_2013_Ivanova.html Доступ свободный.